

«Общеславянский лингвистический атлас» — взаимосвязь языка и общественно-исторических феноменов с позиций ареальной лингвистики

Ареальная лингвистика, лингвистическая география, сравнительное славянское языкознание и диалектология способствуют выявлению конвергентных и дивергентных тенденций в развитии языков, устанавливая взаимосвязь между ними и указывают на общественные феномены, отражающие естественное развитие языка. Значительным трудом, в котором публикуются результаты исследований, обобщающие итоги сопоставительного изучения диалектов всех славянских языков, является *Общеславянский лингвистический атлас*. В одном из недавно вышедших томов лексико-словообразовательной серии этого проекта ("*Общеславянский лингвистический атлас*". Т.8. Варшава, 2003, с. 27) опубликована карта, на которой ее автор Я. Басара картографировал названия небольшого населенного пункта в сельской местности. Прежде чем рассмотреть глубинную сущность проблемы процитируем слова выдающегося словацкого диалектолога Й. Штолца (1908–1981), который в своей статье "Лингвистическая география и межлексические языковые отношения" (1973, с. 83) констатировал: «Лингвистическая география особым, только ей присущим способом отображает то, что существует в реальной действительности». Таким образом, картографическое отображение исследуемого явления представляет для диалектолога не цель, а средство для более полного описания либо интерпретации исследуемого явления. Исчерпывающее описание явления в сочетании с его ареальной дистрибуцией требует комментария или специального исследования по теме соответствующей карты.

В самостоятельной части легенды к цитируемой карте в рамках проекта "*Общеславянский лингвистический атлас*" для лучшей ориентации читателя, помимо собственно диалектных вариантов, приводятся также литературные названия исследуемого явления во всех славянских языках. Соответственно в нашем случае при обозначении небольшого населенного пункта в сельской местности речь идет о словах *vas* в словенском языке, *ves* в чешском языке. В верхнелужицком языке это слова *wjes*, *wjeska*, в нижнелужицком – *wias*, в польском – *wieś*, *wiośka*. На части территории распространения белорусских диалектов это слово *vioska*. Лексема *selo* распространена в сербском, хорватском, македонском, болгарском и украинском языках, в белорусском языке также наблюдается форма *sialo*, в русском языке представлены обозначения *selo* и *derev'ňa*. Наконец, только в словацком языке употребляется слово *dedina*.

При интерпретации явления, отраженного на карте, возникает вопрос, какой славянский контекст либо ареал может быть исходным для данного слова в диахроническом аспекте? Почему форма *dedina* до сих пор употребляется

именно на территории, прежде занимаемой развитыми общественными формациями девятого века, то есть на территории Моравии и Нитранского княжества? Мы ни в коем случае не стремимся утверждать, что на остальных славянских территориях в тот период отсутствовали развитые общественные формации. Однако же слово *dedina* является доказательством специфической внутренней организации, иного способа освоения территории и получения сельскохозяйственных угодий, владения ими, и это свидетельство специфического способа распоряжения имуществом.

Исследование исходных значений слов, которые в диалектах славянских языков имеют свою специфику в наименовании небольшого населенного пункта в сельской местности, приводит нас к заключению, что на территории прежней Великой Моравии слово *dedina* издавна употреблялось для обозначения *задружи*. Это была древняя славянская общественная формация, распространенная на всей территории проживания славян. Основным принцип данной формации следующий: землей совместно владели несколько семей, у которых был общий предок. Таким образом, *задруга* является доказательством того, что каждый раз землю получала, культивировала и обрабатывала одна большая патриархальная семья, община и в действительности речь всегда шла о нераздельном имуществе. Согласно данным, приводимым в литературе по истории языка, на территории Чехии данный способ владения землей исчез с начала десятого века (Machek 1957: 581). В Словакии исчезновение задружных владений отражается в мотивационном признаке топонима *Nedelište* с исходным значением 'недвижимое имущество, которое не может быть разделено между наследниками после смерти самого старшего представителя рода' (1393 Nedeliste, VSOS 2: 289). В сербском и хорватском языках задружный способ наследования имущества отразился в словосочетании *zadružna kuća* 'дом, находящийся в совместном владении'. Слово *задруга*, *zadržuha* либо его дериваты не было известно в дописьменный период словацкого языка ("Historický slovník slovenského jazyka" 7: 30). «Этимологический словарь славянских языков» (ред. О.Н. Трубачев, 1977, т. 4, с. 225, см. там же данные по всем славянским языкам) свидетельствует, что слово *dedina* имело в древнесербском, древнехорватском и древнесловенском языках значение 'наследство'. Значение 'наследное владение, земля' было также характерным для древнечешского языка: *fundi paterni, rura paterna, fundus haereditarius, haereditas*. В более поздний период развития чешского языка у слова *dedina* развиваются значения: 'пахотная земля, надел, земля' либо 'один из наиболее важных наделов, находящийся недалеко от двора'. В нижнелужицком языке данное слово использовалось в значении 'наследственное пасечное владение'. В древнепольском и древнеболгарском языках – в значении 'наследственное владение, земля', в древнепольском языке также в значении 'традиционный обычай наследования'. В древнерусском языке данное слово обладало значением 'наследное право', в современных русских диалектах известно значение

‘наследное имение, владение’. Славянская историческая лексикография для слова *dedina* в древних глаголических и кириллических памятниках приводит значение ‘наследство’, ‘отчизна’, ‘родина’ (Miklošič 1862: 186). Э. Бернекер в соответствующей словарной статье приводит значения ‘наследство’, ‘наследственное владение’, ‘имущество’, ‘земля’ и в связи с древневерхненемецким языком указывает на семантические параллели со значением ‘отчизна’, ‘отцовское хозяйство’ (Berneker 1924: 191).

Таким образом, в древнесловацком языке данное слово обозначало не просто территорию заселения, но именно такое заселенное владение, которым изначально владел самый старший в роду, то есть *ded*. Интересным в данном аспекте представляется разграничение значений слов *statok* ‘имущество’ и *majetok* ‘имущество, собственность’. Слово *statok* изначально обозначало ‘имущество вообще’, для обозначения недвижимых составляющих имущества (хозяйственных построек) оно сохраняется в чешском языке до сих пор (в словосочетаниях типа *sloužil na statku*, в недавнем прошлом обозначение государственной собственности на землю выглядело как *státní statek*). В словацком историческом контексте слово *statok* было лексикализовано в значении ‘движимое имущество’ либо же в значении ‘стадо, гуфт’ (“Atlas slovenského jazyka” 4: 106; “Slovenský jazykový atlas” 2000a: 74–75, автор А. Габовштяк), недвижимое имущество в словацком языке, в отличие от чешского, обозначается словом *majetok*. Соответственно слово *dedina* исходно служило наименованием имущества жилого поселения вкуче с пахотной землей, которая относилась к данному поселению. Совместное владение имуществом входило в силу согласно родовому принципу, основанному на наличии общего предка, чье имущество затем переходило к его потомкам. Оттуда же происходит значение слова *dedič* ‘наследник’. Исходно данным словом называли ребенка, который потерял отца или обоих родителей и поэтому находился под опекой живого деда и считался его наследником. Глагол *dedit* ‘наследовать’ обозначает ‘получить от деда его прежние полномочия, власть над имуществом’ (Machek 1957: 82). О первоначальной мотивации слова *dedina* свидетельствуют также работы, посвященные дописьменному периоду развития словацкого языка. “Slovník praslověanský” (Т. III, *davънь – dobovъrati*, s. 109–110) для слова *dědina* приводит значения: ‘нечто, переданное в собственность после предков’, ‘наследная земля’, ‘наследное родовое имущество’ – и в плане дистрибуции данного явления в отдельных славянских языках с древнейших времен приписывает данному слову в моравских диалектах значение ‘село’, ‘поселение’, а в словацких диалектах – значение ‘наследная родовая усадьба’ (*haereditas, patria*). В связи со значением ‘деревня’ в устных вариантах словацкого языка – в дописьменный период и в словацких диалектах – мы можем привести примеры из «Исторического словаря словацкого языка» (zv. 1, s. 238). В нем указаны три значения слова *dedina*: 1. ‘сельское, крестьянское поселение; его жители’ 2. ‘собрание всех полноправных жителей деревни; его

руководство»; 3. 'имущество, земля, завещанная дедом; привилегии, которые дает владение наделом'. Именно третье значение, сохранившееся в памятниках шестнадцатого века, свидетельствует об изначальном значении данного слова — о значении 'недвижимое имущество', в рамках которого произошло расширение семантики, и слово стало также обозначать сельское, крестьянское поселение и его жителей (значение 1), и, кроме того, в конкретной ситуации данным словом называли собрание всех полноправных жителей деревни (значение 2). Как демонстрирует материал исторических источников, слово *dedina* в значении 'собственность, земля, унаследованная от предков' уже в шестнадцатом веке было вытеснено своими дериватами *dedovizeň*, *dedovizna*, *dedizna*, которые в тот период употреблялись в значении 'недвижимая собственность, унаследованная от предков' (HSSJ 1: 239). Следовательно, основным значением слова *dedina* уже в тот период было наименование сельского, крестьянского поселения и его жителей.

Доказательством вытеснения и постепенного исчезновения первичного значения слова *dedina* ('имущество, земля, завещанная дедом; привилегии, которые дает владение наделом') и возрастающей частотности двух новых значений: 1. 'сельское, крестьянское поселение; его жители' 2. 'собрание всех полноправных жителей' — является функционирование данного слова в словацких диалектах. По данным «Словаря словацких диалектов» (zv. 1, s. 301), данное слово до сих пор употребляется на всей территории среднесловацких и западнословацких говоров, а также в спишских говорах в значениях: 1. 'крестьянское поселение', 'село', 2. 'жители деревни', 'односельчане'. В древнесловацкой ойконимии (до XVI века) названия поселений, содержащие форму *Dedina*, не зафиксированы. Это произошло, главным образом, потому, что в период их возникновения в значении апеллиатива *dedina* не было семантических компонентов, которые способствовали бы проприализации: слово *деревня* в данный период не содержало никаких специфических, идентифицирующих или дифференцирующих признаков в окружающей его среде в сопоставлении с другими существительными, мотивирующими названия населенных пунктов, типа *игрец*, *могила*, *мост*, *воля*... Самым древним реликтом корня *ded-* в ойконимии является запись *Niget* (1113, VSOS 2: 288), т. е. упоминание о селе *Neded*, в названии которого представлена мотивация со значением 'не наследуемая собственность'. Сходным образом обстоит ситуация с названием *Nededza*, зафиксированным в форме *Nededz* (1383, VSOS 2: 289). Форма *Dedina* появляется только в 1157 году в связи с нынешним селом *Zemianska Dedina* (с 1808 г. пишется как *Zemenská Dedina*, VSOS 3: 345). Позднее формы типа *Dedinka* получают распространение уже с 1808 г. (1227 *Kurt*, 1808 *Dedinka*, 1920 *Fajnkurt*, 1945 *Dedinka-Fajnkurt*, VSOS 1: 307). Остальные названия искусственно образованы в рамках объединения или смены названий. Одно поселение *Dedinka* появилось после объединения деревень, изначальное носивших названия *Imrichovce* и *Štefanovce*. Название *Nová dedinka* появилось

после объединения деревень *Dedinky pri Dunaji* (название появилось в 1948 г.) и *Nová Ves pri Dunaji* (1326 *Pomsa*, 1397 *Pomsahaza*, 1773 *Nowa Wes*, 1920 *Dunajská Nová Ves*, 1927 *Nová Ves pri Dunaji*; VSOS 2: 321). В состав села под названием *Lubina* входят выселки под названием *Dedinka* (VSOS 2: 193).

В чем состоит разница между словами *dedina* и *ves* (другие формы *vas*, *wjes*, *wjeska*, *wjas*, *wieś*, *vioska*)?

Словом *ves* назывался населенный пункт, в котором жили люди, принадлежащие к одному роду, место проживания рода, восходящего к общему предку (современные нам формы возникли из праславянского **vьsь*, ранее: *vik-i*; греч. **oik*, отсюда термин *oikonymum* – ойконим ‘наименование населенного пункта’). Данная основа близка слову *dom*, лат. *vīcus* ‘группа домов, поселение, городской квартал’; индоевропейский корень **ǵeik-* ‘войти, прийти, переселиться’ (Machek 1957: 562; Vasmer 1: 305). Таким образом, слово *ves* обозначало территорию, на которой проживали переселенцы, восходящие к одному роду. Данная организация поселений на территории распространения словацкого языка прекратила существовать вместе с исчезновением родового строя. Интересно, что этимологические словари отдельных славянских языков, описывая значение слова *ves*, нигде не упоминают о праве собственности жителей населенного пункта по отношению к движимому или недвижимому имуществу. Типологическим признаком ойконимов, мотивированных существительным *ves* и расположенных на словацкой языковой территории (это справедливо также для остальных (славянских) языков) является тот факт, что данные названия не встречаются в однословной форме, но всегда вместе с определением, которое выражает исходное отношение рода к территории либо отношение данной территории к другой территории. В качестве примера приведем ойконимы *Malá Ves* ‘Малое село’, *Veľká Ves* ‘Большое село’, *Slovenská Ves* ‘Словацкое село’, *Uhorská Ves* ‘Венгерское село’, *Záhorská Ves* ‘Загорское село’, *Spišská Stará Ves* ‘Спишское старое село’, *Spišská Nová Ves* ‘Спишское новое село’ или в деминутивной форме сложного деривата с формантом *Vieska*: *Beckovská Vieska*, *Gregorova Vieska*, *Ladomerská Vieska*... (Bezlej 1959–1960: 188, и далее). Следующим типологическим признаком названий, мотивированных нарицательным существительным *ves*, является то, что на словацкой языковой территории они появляются только с начала тринадцатого века. Исключением является самая ранняя фиксация имени собственного, мотивированного данным словом, название ныне не существующего турчьянского поселения *Vešťany*, зафиксированное в известной Коломановой грамоте от 1113 года в форме *Wesscan* (Beňko 1996: 37, 59 и далее; реконструированную форму **Vešťany* мы можем предполагать на основании аналогичного регулярного изменения гласных в корне, ср. зафиксированную форму *Pescan* = *Piešťany* в той же самой грамоте). В языковом плане данную мотивацию дополнительно подтверждает так называемый топоформант *-any*, который употреблялся для наименования поселений, т.е. неодушевленных

объектов. Их наименования отличались от номинаций с суффиксом *-ania*, при помощи которого обозначались названия жителей, иногда при помощи него также выражался род их занятий, либо он воспринимался как обозначение некоторой группы, объединения. В случае с поселением *Vešťany* можно предположить, что в период возникновения данное название было мотивировано названием жителей, которые основали новый населенный пункт, переселившись с другой территории, на которой существовало *ves* регулярно употреблялось для наименования населенных пунктов. Жители, переселившиеся из прежнего села (*ves*, *veska*) называли себя *Vešťania* ‘жители села’. Место поселения, ими основанного, называлось *Vešťany*; форма *Vešťany*, зафиксированная в грамоте 1113 года, не отражает реальную ситуацию, поскольку дифтонги появились в словацком языке позднее, в конце XII – начале XIII вв. Данный номинативный процесс с самых древних времен подтверждают отношения между названиями жителей поселения и наименованиями самих поселений типа: *Slačania* – жители по происхождению из Силезии > *Slačany*: место их проживания, пункт их поселения в новом окружении; *Moravania* – жители по происхождению из Моравии > *Moravany*; *Nitrania* – жители по происхождению из Нитры, из окрестностей Нитры > *Nitraný*: место их проживания, пункт их поселения в новом окружении; *Piešťania* – жители, обитающие на территории, для которой характерны в плане рельефа окрестностей песчаные берега у реки > *Piešťany* и т. д.

К той же семантической группе, что и слова *dedina* и *ves*, относится также слово *selo*, распространенное у южных и восточных славян (на карте оно обозначено круглыми символами). В памятниках старославянского языка слово *selo* употреблялось в значениях: ‘земля’, ‘земельный участок’, ‘владение’ (Miklošič 1862: 836); изначально данным словом называли землю сельскохозяйственных угодий – ‘пахню’, ‘вспаханное поле’, ‘вспаханную землю’ или же деятельность, связанную с обработкой земли, устар. ‘вспашка’, ‘пахота’ (Vasmer 1: 501; 3: 596). Западнославянский вариант данного слова, в котором сохранилась исконная группа *-dl-*, т. е. слово *sedlo* < **sed-*, первоначально обозначал ‘заселенное место’, ‘дворы’, ‘жилые и хозяйственные постройки’, ‘поле’, ‘земля’. В древнесловенском языке *selo* имело значения: ‘земля’, ‘жилье’, ‘городок’, ‘деревня’, в современных словенских диалектах словом *selo* обозначается поселение, крестьянское хозяйство, крестьянская усадьба, земельный участок, жилище (Skok 2003: 647). В моравских и чешских диалектах *selo* имеет значение ‘пахотная земля’, отсюда *sedliak* ‘земледелец’; в моравских говорах *selka* ‘жена крестьянина, земледельца’ (“Český jazykový atlas”, z. 3, s. 50). Слово *selo* в значении ‘имущество’ встречается также в древнесловацком языке. Это убедительно показал Я. Доруля (1972, 1973), который продемонстрировал связь между значениями слов *podselný* – *podvorný* – *podgruntovný* при выражении отношения собственности на недвижимое имущество словами, образованными по одинаковой словообразо-

вательной модели. Речь идет о словосочетаниях типа *podselny grunt* (Dorull'a 1973: 84), *podselne tale neb ruku*, *podgruntovny dom* (там же, s. 85), *podvorne dyelnycze* (там же, s. 86). Самым ранним подтверждением употребления слова *selo* для обозначения имущества в нашем культурном контексте является известный старославянский памятник "Zakon sođnyuъ Ğudъmъ" ("Закон судный людям"), в котором написано: *Jako vьsjako selo vь němъ, že trěby byvajotъ ili prisęgy poganyьsky, da otdajetъ se vь božii chramъ sъ vьsěmъ iměnyemъ*. Системный характер апеллиатива *selo* и его дериватов доказывает также высокая частотность ойконимов, мотивированных данным апеллиативом (1332 *Omnēs Sancti de Zolio*, 1340 *Selcze*, р-н Банска Быстрица; 1303 *Zelche*, 1427 *Seyliche*, р-н Полтар; 1303 *Zelche*, 1427 *Seyliche*, р-н Модры Камень; 1303 *Zelch*, 1402 *Zelch*, р-н Крупица и т.д. "Vlastivedný slovník obcí na Slovensku" (Краеведческий словарь словацких сел, zv. 3, s. 17–18).

Эту семантическую группу ареально противопоставленных слов закрывает слово *derevňa* (< **dьrvьňa*), которое распространено у восточных славян. Этимологию данного слова следует искать не в фонетически близкой словоформе *drevo*, но в самой исходной форме **dьrvьňa*, которой обозначался способ получения сельскохозяйственной почвы. Первоначально слово **dьrvьňa* обозначало 'пашню', 'вспаханное поле', 'вспаханную землю', устар. также деятельность – 'пахоту', 'вспапку', позднее от наименования почвы значение расширилось, и слово стало обозначать также прилегающие хозяйственные постройки, крестьянский двор, и далее все поселение вместе с земельным наделом, т.е. с участками обрабатываемой почвы, и наконец, за словом закрепилось значение 'поселение', ср. лит. *dirvą* 'вспаханное поле' или латш. *druva* 'вспаханное поле'. В русских диалектах сохранился глагол *роздерть* 'распахать' и существительное *дор* 'место корчевки', 'господская земля, новь').

Форма *valal*, встречающаяся в восточнославянских говорах, восходит к венгерской форме *falu*, лат. *villa*; формы, генетически родственные венгерскому слову, имеются в финском языке – *palva*, в мансийском языке – *rawəl*, в восточноякутских говорах встречается форма *пуҕел*; подробнее см.: (Sima 1969: 24 и далее).

Рассматривая обозначения небольшого населенного пункта в сельской местности, нельзя обойти апеллиатив *lehota* как один из позднейших мотивационных элементов проприальной сферы, в особенности ойконимии. Первоначально существительное *lehota* употреблялось в значениях: 'льгота', 'скидка', 'освобождение от уплаты подати' (Machek 1957: 266), особенно в связи с освобождением новопоселенца от уплаты подати господину в течение определенного срока. Далее значение расширилось, и слово стало обозначать населенный пункт с такими жителями. Распространение имен собственных на территории Словакии, мотивированных апеллиативом *voľa*, исследовал М. Майтан (Majtán 1969: 255 и далее, также Majtán 1996: 30, 72, 80). Поскольку апеллиатив *lehota* ни в дописьменном, ни в литературном словацком языке

для обозначения небольшого населенного сельского пункта, как правило, не употребляется, речь может идти только об отдельных пунктах ("Historický slovník slovenského jazyka" ("Исторический словарь словацкого языка" 2: 204; "Slovník slovenských nářečí", zv. 2, s. 44), для иллюстрации мы приводим ареальную дистрибуцию ойконимов, мотивированных апеллятивами *lehota* и *voľa* из исследования М. Майтана (Majtán 1996: рис. 2), со ссылкой на его процитированные здесь работы и на монографию Р. Крайчовича (2005).

В ряду обозначений небольшого населенного пункта в сельской местности или наименьшей экономическо-административной единицы в словацком языке находятся также слова *obec*, *občina*. Оба этих слова восходят к апеллятиву **obъtь* в значении 'совместное владение', 'наименование того, что принадлежит всем' (Machek 1957: 331). В дальнейшем значение расширилось и в дописьменный период словацкого языка данное слово использовалось для обозначения: 1. 'круга людей, объединенных по сословному, рабочему, церковному принципу либо по наличию общих интересов'; 2. 'простого народа, низших слоев общества'; 3. 'расширенного круга городского, сельского или цехового самоуправления'; 4. 'территориального округа городского или деревенского самоуправления'; 5. 'наименьшей экономическо-административной единицы, деревни'; 6. 'империи или государства'; 7. 'совместного имущества, того, что принадлежит всем' (HSSJ 3: 12). Изначальное значение мотивирующего слова **obъtь* аналогично латинским выражениям *amb-i-t-ius* или же *circu(m)-i-t-ius* в значениях: 'сфера владений, сфера влияния', 'территория существования некоторого простого сословия' (ср. с выражением *comitia*, откуда *comitatus*).

Доказательством того, что речь не может идти о случайных явлениях, служит наличие множества подобных слов со сходным ареалом распространения. Ввиду ограниченности объема статьи, мы приведем здесь лишь некоторые иллюстрации, например, слово, которым обозначается многолетнее древесное растение, дерево (вопрос L 333 Вопросника, картографировано в "Общеславянском лингвистическом атласе", 2000b: 28–29, автор карты Я. Сятковский). В отдельных славянских языках для наименования данного сегмента флоры употребляются формы, производные от древней праславянской основы **dervo* (производными от нее являются формы *drevo*, *derevo* 'дерево', множественное число первоначально *drъva*; данный корень соотносится по значению с литовской формой *dervà* 'сосновый лес'; Machek 1957). В плане наименования многолетнего древесного растения словацкие, моравские и чешские говоры отличаются от остальных славянских языков тем, что они называют данную реалию словом *strom*. В этом слове представлена старая основа, причем это не первичный апеллятив, но поствербальный (дериват от глагола *stromiti*, Machek 1957: 477; к данному корню восходит также слово *strmý* 'крутой, отвесный, резкий'). В качестве следующего аналогичного примера особого положения словацкой лексики в общеславянском контексте с позиции диахронии можно

привести слово, которым называют частую древесную поросль (вопрос L 375 Вопросника, картографировано в Общеславянском лингвистическом атласе, 2000b: 48–49, авторы карты С. Реметич, Й. Баотич). В словацких говорах – в отличие от говоров остальных славянских языков – для обозначения данного явления употребляется слово *hora*. Первоначальная праславянская основа **gor-* исходно имела значение ‘вершина’ (лат. *mons*). Позднее в словацком языке данная основа была лексикализована, в том числе для наименования леса; мотивацию следует усматривать в том, что прежде все доступные горы (в значении лат. *mons*) были покрыты лесами. Общеславянское слово *les* (в праславянском языке **lěsъ*) имело исходное значение ‘лиственный лес’, с которым была соотнесена основа **bor-* для общего обозначения хвойных растений.

Эти несколько примеров убедительно демонстрируют своеобразие словацких говоров в общеславянском контексте посредством знаков, которые в устной форме в сравнении с говорами остальных славянских языков (кроме моравских говоров) сохранили в слове *dedina* древнейшие следы отличного от других способа получения и культивирования сельскохозяйственной земли, владения ей или управления имуществом. Специфическим элементом данного способа в словацких диалектах в сопоставлении с диалектами остальных славянских языков является обозначение древесной поросли словом *hora* (эта древняя параллель со словацкими диалектами встречается также в болгарском языке в форме *gora*), в отличие от вариантов *gozd* (словенский язык), *šuma* (хорватский, сербский, македонский языки), *les* (в чешском, русском и белорусском языках) и огласовках *las* (польский язык), *lès* или *gola* в серболужицком языке или *lis* в украинском языке.

Родовая и имущественно-правовая организация небольшого населенного пункта в сельской местности, называемого на территории распространения словацких и моравских диалектов словом *dedina*, анализ значений данного слова в диахроническом аспекте и его сопоставление со словами, синонимичными в общеславянском контексте, являются доказательствами, подтверждающими тот факт, что значение слова *dedina*, которым первоначально обозначалась культивированная земля, предназначенная для возделывания, и одновременно форма владения этой землей, а также способ ее передачи по наследству, в сравнении с диалектами, где получили распространение слова *ves*, *selo* и *derevŋa*, более точно передавало специфический уровень организации отношений к собственности. Семантический анализ лексики в диалектах отдельных славянских языков после ее комплексной ареальной обработки, например, в упомянутом проекте "Общеславянский лингвистический атлас", свидетельствует о том, что единицы плана содержания имеют как дифференциальные, так и интегральные признаки в контексте ближайшего языкового окружения. В самом древнем слое лексики, в ее семантической дифференциации, сложившейся в процессе ее многовекового развития, каждый национальный язык – параллельно с множеством знаков на других языковых уровнях

– сохранил черты, которые остаются его постоянными идентификационными признаками. Именно к такой лексике относятся иллюстративные примеры типа *dedina, hora, strom* из словацких и моравских говоров, которые в процессе естественного развития языка стали единицами современных литературных языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Atlas slovenského jazyka. 4. zv. Lexika. Časť prvá. Mapy. Časť druhá. Úvod–Komentáre–Dotazník–Indexy. Bratislava : Veda, 1984. 464 + 368 s.
- Beňko 1996 – *Beňko Ján*. Starý Turiec. Martin : Osveta, 1996. 278 s.
- Bezljaj 1959–1960 – *Bezljaj France*. Ves in selo v slovenski onomastiki. Jezik in slovstvo, 1959–1960, roč. 5, s. 204–207.
- Berneker 1926 – *Berneker Erich*. Slawisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg : Carl Winters Universitätsbuchhandlung 1924. 670 s.
- Český jazykový atlas / Ed. P. Jančák. 3. zv. Praha : Academia, 1999. 580 s.
- Dorul'a 1972 – *Dorul'a Ján*. O slove *selo* v slovenčine // Kultúra slova, 1972, roč. 6, č. 9, s. 301–306.
- Dorul'a 1973 – *Dorul'a Ján*. Podselný–podvorný–pogruntovný // Kultúra slova, 1973, roč. 7, č. 3, s. 83–88.
- Etimologičeskij slovar' slavianskich jazykov. Praslavianskij leksičeskij fond / Ed. O.N. Trubačov. Vyp. 4. *čaběnití – děl'a*. Moskva : Nauka, 1977. 236 s.
- HSSJ 2 – *Historický slovník slovenského jazyka*. Zv. 2. K–N / Ed. Milan Majtán. Bratislava : Veda 1992. 616 s.
- HSSJ 3 – *Historický slovník slovenského jazyka*. Zv. 3. O–P (pochytka) / Ed. Milan Majtán. Bratislava : Veda, 1994. 656 s.
- HSSJ 7 – *Historický slovník slovenského jazyka*. Zv. 7. Z–Ž. Dodatky / Ed. Milan Majtán. Bratislava : Veda, 2008. 542 s.
- Krajčovič 2005 – *Krajčovič Rudolf*. Živé kroniky slovenských dejín odkryté v názvoch obcí a miest. Bratislava : Literárne informačné centrum, 2005. 232 s.
- Machek 1957 – *Machek Václav*. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha : Nakladatelství ČSAV, 1957. 628 s.
- Majtán 1969 – *Majtán Milan*. Lehoty na Slovensku. Príspevok zo západoslovenskej toponymie // Slavistické štúdie jazykovedné / Ed. Vincent Blanár. Bratislava : Vydavateľstvo SAV, 1969, s. 255–261.
- Majtán 1996 – *Majtán Milan*. Z lexiky slovenskej toponymie. Bratislava : Veda 1996. 192 s.
- Miklosich 1862–1865 – *Miklosich Franz*. Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum. Emendatum Auctum. Vindobonae : Guilelmus Braumueller, 1862–1865. 1172 s.
- Sima 1969 – *Sima František*. Východoslovenské *valal* // Jazykovedné štúdie. 10. Štolcov zborník / Ed. Jozef Ružička. Bratislava : Vydavateľstvo SAV, 1969, s. 24–37.
- Skok 1971 – *Skok Petar*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knjiga prva. A–J / Ed. M. Deanović, Lj. Jonke. Zagreb : Jugoslovenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1971. 792 s.

- Slovník slovenských nářečí. Zv. 2. L–P (*povzchádzat*) / Ed. Ivor Ripka. Bratislava : Veda, 2006. 1066 s.
- Słownik prasłowiański. Tom III. *давнь-добьрати* / Ed. F. Slawski. Wrocław–Warszawa–Kraków : Polska Akademia Nauk, 1979. 832 s.
- Štolc 1973 – Štolc, Jozef. Lingvistická geografia a medzislavský jazykový vzťahy českého a slovenské přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistů ve Varšavě. Lingvistika / Ed. Šimon Ondruš. Praha : Academia, 1973, s. 83–92.
- Vasmer 1987 – *Vasmer Max*. Etimologičeskij slovar' ruskogo jazyka. T. 1–4. 2. vyd. Moskva : Progress, 1987.
- VSOS 1978 – Vlastivedný slovník obcí na Slovensku. III / Ed. M. Kropilak. Bratislava : Veda, 1978. 536 s.
- Žigo 2005 – *Žigo Pavol*. Účasť slovenskej dialektológie na Slovanskom jazykovom atlase. Perspektívy počítačovej podpory projektu // Slovenská reč, 2005, roč. 70, č. 1–2, s. 3–15.
- Žigo 2005 – *Žigo Pavol*. Medzinárodný slavistický projekt *Slovanský jazykový atlas* // Studia Academica Slovaca. 35 / Ed. Miloslav Vojtech, Jozef Mlacek. Bratislava : Stimul, 2006, s. 423–434.
- Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М.: Наука, 1965.
- Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Выпуск 2. Животноводство / Ред. Б. Фалиньска. Варшава, 2000. (2000a).
- Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Выпуск 3. Растительный мир / Ред А.И. Подлужный. Минск, 2000. (2000b).
- Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Выпуск 8. Профессии и общественная жизнь / Ред Я. Басара и Я. Сятковский. Варшава, 2003.

Перевод со словацкого Д.Ю. Анисимовой